

А. Ю. ВЕСЕЛОВА

**ЕЩЕ РАЗ О РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ
АНГЛИЙСКИХ САДОВОДЧЕСКИХ ТРАКТАТОВ
(Из фондов РГАДА)**

«Собственноручная французская рукопись Екатерины II об устройстве садов и перевод ее на русский язык», хранящаяся в фондах Российского государственного архива древних актов,¹ была введена в научный оборот Э. Кроссом.² Кросс показал, что этот документ, состоящий из нескольких текстов, и очевидно неполный (хотя имеющий сплошную пагинацию), отражает работу императрицы над созданием руководства по разведению садов на русском языке. Основой для работы послужил французский перевод садового трактата английского писателя и политика сэра Томаса Вейтли «Замечания о современном садоводстве»,³ выполненный

¹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 383. 291 л. Название документу было, очевидно, дано в Государственном архиве Министерства иностранных дел в Санкт-Петербурге, где, как следует из пометы на первом листе, этот материал хранился ранее.

² Cross A. Catherine the Great and Whately's «Observation on Modern Gardening» // Study Group on Eighteenth Century Russia Newsletter. 1990. N 18. P. 21—29. См. также: Cross A. The English Garden in Catherine the Great's Russia // Journal of Garden History. Vol. 13. N 3. July—September. 1993. P. 171—179.

³ [Whately Th.] Observations on Modern Gardening. London, 1770. Публикацию современного перевода отрывков из трактата, выполненного Б. М. Соколовым, см.: Соколов Б. Томас Вейтли и рождение английской теории пейзажного парка // Искусствознание. 2006. № 1. С. 136—185. К сожалению, в предисловии переводчик ошибочно утверждает, что «...ни в „век Екатерины“, ни в дальнейшем ни один фрагмент книги Томаса Вейтли на русский язык не переводился» (Там же. С. 142). См. также: Соколов Б. М. Томас Вейтли и Екатерина II: у истоков Царскосельской плантомании // Плантомания. Российский вариант. Материалы XII Царскосельской научной конференции. СПб., 2006. С. 384—406. Высказанное автором статьи предположение, что Екатерина планировала издать сборник современных садовых трактатов, все же кажется недостаточно убедительным. Скорее следует согласиться с точкой зрения Кросса и Шенле,

Ф. де Поль де Латапи.⁴ Латапи снабдил трактат Вейтли обширным предисловием и собственным описанием английского парка Стоу с приложением плана (в оригинальном трактате Вейтли не было ни планов, ни иллюстраций). 4-й и 5-й листы документа отражают самостоятельные попытки Екатерины II выполнить перевод: на них французский и русский тексты идут параллельно, в два столбца. Но, вероятно, эти попытки не были признаны удачными или работа показалась императрице слишком трудной, поэтому далее она занялась списыванием французского текста, внося небольшие, но значимые исправления: было убрано все, что касалось личных впечатлений автора трактата, изменено деление на параграфы.⁵ Таким образом, для перевода предлагался несколько отличный от оригинала (и весьма близкого к оригиналу, если не считать отдельных вставок, французского перевода) текст, адресованный «Владельцам приморских дач (мыз — зачеркн.) по Петерговской дороге лежащих <...> для вящего украшения по правилам здесь предписанным».⁶

Предисловие Латапи включало в себя также раздел «О китайских садах» (*Of the Art of Laying out Gardens among the Chinese*) из трактата Уильяма Чэмберса «Описание китайских садов, строений, их уборов и пр.».⁷ Рассматриваемый документ включает два варианта перевода на русский язык этого отрывка, один из которых анонимный,⁸ а другой подписан именем И. Нуман. Личность переводчика также была установлена Кроссом: им оказался англичанин Джонсон Ньюман — переводчик, пробовавший себя в качестве преподавателя английского языка в Морском кадетском корпусе,

которые рассматривают переложение книги Вейтли как попытку создать учебник по садоводству (см.: *Cross A. The English Garden in Catherine the Great's Russia. P. 177; Schönle A. The Ruler in the Garden. Politics and Landscape Design in Imperial Russia. Oxford, 2007. P. 55—64*).

⁴ *Whately Th. L'Art de former les jardins modernes, ou l'art des jardins anglois. Traduit de l'Anglois par François de Paul de Latapie. Paris, M.DCC.LXXI.*

⁵ Подробнее об этом см.: *Cross A. Catherine the Great and Whately's «Observation on Modern Gardening»*. Сравнение русского переложения с оригиналом проделано также в книге А. Шенле.

⁶ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 383. Л. 3. О дачах на Петергофской дороге см.: *Горбатенко С. Б. Петергофская дорога. Историко-архитектурный путеводитель. СПб., 2002.*

⁷ *Chambers W. Designs of Chinese Buildings, Furniture, Dresses, Machines, and Utensils. London, 1757.* Китайский фрагмент в свою очередь вводился с помощью описания императорского дворца в Пекине, позаимствованного из письма французского архитектора-иезуита Жана Дени Аттире, изданного в Париже в 1747 г. и переведенного на английский язык в 1752 г. под заглавием «*A Particular Account of the Emperor of China's Garden*».

⁸ Именно этот перевод с незначительными поправками был опубликован в 1771 г. См.: О китайских садах. Перевод из книги, сочиненной господином Чамберсом, содержащей в себе описание китайских строений, домашних их уборов, одеяний, махин и инструментов. СПб., 1771.

впоследствии секретарь российского посольства в Лондоне, примерно с середины 1750-х до середины 1770-х гг. живший в России.⁹ Сопоставляя два варианта, Кросс сделал предположение, что оба они являются редакциями одного перевода, выполненного тем же Ньюманом (различия этих редакций весьма незначительны), причем не с французского посредника, а с английского оригинала, так как на русском языке книга вышла почти одновременно с французским переводом Латапи, всего на три месяца позже. Гипотеза Кросса вполне обоснованна, особенно если учитывать происхождение Ньюмана, которому, очевидно, проще было переводить с английского, а не с французского.

В то же время ньюмановский перевод отрывка из Чэмберса стилистически и особенно лексически близок переводу фрагментов из Вейтли. Особенное внимание здесь необходимо обратить на передачу некоторых ключевых понятий. В 1770-х гг. XVIII в. язык русских садовых трактатов еще только вырабатывался и находился в процессе становления.¹⁰ В начале XIX в. переводчики по-прежнему жаловались на то, что «...у нас даже не введены многие для его [садового трактата. — А. В.] содержания нужные свои слова».¹¹ Поэтому для перевода одних и тех же терминов, таких как например франц. *scène* / англ. *scene*, использовались разные слова. У Вейтли, как и у Чэмберса, этим словом (которое позднее стали чаще переводить как «сцена») может обозначаться довольно широкий круг явлений: как целый вид, так и отдельный элемент пейзажа. В русском переводе Вейтли, как и в переводе Чэмберса, подписанном Ньюманом, для обозначения этих понятий используется слово «позорище», а в опубликованном переводе Чэмберса — «предмет» (как и для перевода франц. слова *objet*/англ. *object*). В первых двух текстах также совпадает перевод часто встречающегося франц. выражения *point de vue*/англ. *point of view* как «пункт зрения» или даже принятое в современном языке «точка зрения», тогда как в печатной редакции Чэмберса это выражение исправлено на «место проспекта».

Перевод Ньюмана из документа РГАДА выглядит архаичнее опубликованного (в тех местах, где они не совпадают), вероятно

⁹ Cross A. Johnson Newman, a Little-known Englishman in Russian Service in the Second Half of the Eighteenth Century // Study Group on Eighteenth Century Russia Newsletter. 1993. N 21. P. 36—47.

¹⁰ О проблемах формирования языка садовых трактатов см.: Веселова А. Ю. Язык и стиль садовых трактатов конца XVIII—начала XIX века // Пространство и время воображаемой архитектуры. Синтез искусств и рождение стиля / Отв. ред. Б. М. Соколов. Царицынский научный вестник. 2005. № 7—8. С. 270—278.

¹¹ О составлении ландшафтов или о средствах украшать природу вокруг жилищ, соединяя приятное с полезным. Сочинение Р. Л. Жирардена, владельца и строителя Эрменонвиля. Перевел Александр Палицын. СПб., 1804. Прим. перев. С. 3.

благодаря тому, что переводчик в ряде случаев предпочитает избегать заимствованных, хотя и уже вошедших в русский язык, слов и употребляет «проходы» и «гульбища» вместо «проспекты» и «аллеи» (как в анонимном опубликованном переводе), «порядок» вместо «регулярство», «пещера» вместо «грот», «орудия, водою действующие» вместо «гидраулические махины». Такое отношение к языку вполне может быть характерно для человека, переводящего с родного на иностранный язык и стремящегося избежать калькирования. Редактор печатного перевода смелее вводил в русский текст новые заимствования, часто выглядящие более терминологично.¹² Вместе с тем сверка при редактировании, вероятно, велась по французскому тексту, поэтому переведенная Ньюманом английская фраза *romantic scenes* как «романические позорища», в точном соответствии с французским *scène de roman* была заменена на «из романов взятые».¹³

Подход к языку в переводе произведения Вейтли во многом схож с манерой Ньюмана: чрезвычайная осторожность в использовании заимствованных слов привела к появлению в тексте таких словосочетаний, как «малые круглые здания» (*rotondes*), «морской победоносный столб» (*colonne rostrale*) или «лицевая верхушка» (*fronton*), а также многочисленных синонимов там, где в источнике использовано одно слово (так, например, *vallon* переводится и как «лощина», и как «суходол»). При этом одно из немногих заимствований — слово «сюмяк»/франц. *sumac* — снабжено кратким этимологическим комментарием,¹⁴ отсутствующим у Латапи.

Но если, при всей своей архаичности, перевод Чэмберса в обеих редакциях достаточно ясен и внятен, то в переводе Вейтли смысл, из-за излишней буквальности перевода, нередко оказывается затемнен и становится понятен только при сравнении с французским текстом. Так, часто встречающееся в тексте слово *accessories*, последовательно используемое Латапи в значении «украшение, дополнительная деталь», неизменно переводится как «случайность», что создает трудности в прочтении фрагмента, независимо от того идет ли речь о неукрашенных частях сада, которые названы «лишенными своих случайностей» (*objet <...> dépouillés de leurs accessoires*), или, наоборот, о павильоне, снабженном дополнительными декоративными деталями, обозначенном как «корпус <...> с такими случайностями» (*pavillon <...> avec accessories*). Выражение *caractère de la scène (de la situation)*, переведенное как «очертание

¹² В большинстве случаев эти заимствованные слова (такие, как «аллея», «грот», «регулярный» и т. д.) закрепились, но некоторые языковые эксперименты предполагаемого редактора оказались неудачными: так, вместо прилагательного «искусственный» он вводит слово «картифициальный».

¹³ Этот фрагмент лишний раз подтверждает версию Кросса о том, что Ньюман делал свой перевод с оригинала.

¹⁴ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 383. Л. 253 об.

позорища (местоположения)», уводит русского читателя трактата от разработанной Вейтли теории «характера» местности, в которой «характер» понимается как психологическая категория, близкая к человеческому характеру.¹⁵ Важная для эстетики пейзажного парка категория «разнообразия» (франц. *variété*) везде заменена понятием «отличие» (например, «отличие деревьев», «отличности <...> насаждений»), которое искажает смысл и к тому же требует в русском языке обязательного дополнения. Наконец, появляются очевидно ошибочные и неграмотные формулировки, как например утверждение, что дорога должна «сопрягать всю страну (франц. *païs*) главным строением», где речь несомненно идет не о целой стране, а о местности.

При этом переводчика нельзя упрекнуть в непонимании специфики текста или невладении садовым дискурсом, речь идет именно об общеязыковых проблемах. Подобная ситуация могла сложиться при переводе с одного неродного языка на другой, т. е. в данном случае, если перевод был сделан англичанином, например тем же Ньюманом.

Исходя из сделанных выше наблюдений, можно предположить такую последовательность: Ньюман сделал перевод Чэмберса с английского оригинала и, возможно, благодаря этому получил заказ на перевод Вейтли, но уже не с английского, а с французского источника, потому что именно этот текст перерабатывала Екатерина II. Тем временем перевод Чэмберса был исправлен русским редактором, сверен с французским текстом и вышел в печать, возможно даже еще до того, как Ньюман начал работать над трактатом Вейтли, или одновременно. В роли редактора мог выступить статс-секретарь Екатерины Г. В. Козицкий, достаточно долго игравший роль «посредника между императрицей и литераторами»,¹⁶ — его участие в проекте подтверждается включенными в документ письмами.

К сожалению, по-прежнему непроясненным остается вопрос о том, почему перевод трактата Вейтли, который, судя по приложенным к документу письмам, был выполнен полностью и даже дошел до этапа корректуры, так и не был опубликован. Этот вопрос может быть отчасти связан с биографией Ньюмана, в которой тоже достаточно темных мест. Неизвестно также, почему именно эти листы перевода и отдельные сопроводительные документы сохранились, как неясно, куда пропали остальные листы и какова в целом

¹⁵ См. об этом: *Соколов Б.* Томас Вейтли и рождение английской теории пейзажного парка; *Соколов Б. М.* Британская теория пейзажного садоводства и ее место в культуре русского Просвещения // *Философский век: Альманах.* Вып. 20. Россия и Британия в эпоху Просвещения. Ч. 2. СПб., 2002. С. 193—213.

¹⁶ *Степанов В. П.* Козицкий Г. В. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2 (К—П). СПб., 1999. С. 97.

история формирования рассматриваемой единицы хранения РГАДА, объединившей несколько писем и фрагментов разных переводов сплошной пагинацией.

Тем не менее документ представляет собой несомненную ценность и как свидетельство интереса к садово-парковому искусству в России, причем на высшем государственном уровне, и как богатый сравнительный материал для анализа этапов формирования языка и стиля садовых трактатов в России XVIII в. Учитывая также, что «Замечания о современном садоводстве» Вейтли признавались современниками одним из лучших образцов подобного рода произведений,¹⁷ в приложении к этим заметкам публикуется полное постраничное описание этого документа, включенные в него письма и фрагмент перевода текста Вейтли на русский язык.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Постраничное описание документа

Л. 1.

Заголовок:

Principes pour le jardin dans le goût Anglois. Commen <selon loi — зачеркн.> les anglois ont que l'art d'orner les jardins

Архивные пометы:

Собственноручная французская рукопись Екатерины II об устройстве садов и перевод ее на русский язык. Санкт-Петербург, Государственный архив Министерства иностранных дел.

Л. 2.

Заголовок:

Владельцам приморских дач по Петерговской дороге лежащих книга сия в дар приносится от усмотревшего природные оных приятства и способности для вящего украшения по правилам здесь предписанным

¹⁷ Ряд высказываний современников, как и анализ заслуг Вейтли в области теории садово-паркового искусства, приведены в статье Соколова. См.: Соколов Б. Томас Вейтли и рождение английской теории пейзажного парка. О влиянии трактата Вейтли на формирование ансамбля Царского Села см.: Cross A. The English Garden in Catherine the Great's Russia; Schönle A. The Ruler in the Garden; Соколов Б. М. Томас Вейтли и Екатерина II: у истоков Царско-сельской плантомании.

Л. 3.

Письмо Григория Козицкого Ивану Елизарьевичу <Глебовскому¹⁸> от 1 июля 1773 г. с последующей припиской:

Государь мой Иван Елизарьевич.

При сем посылаю вам французские подлинники о садах листы от 8 л по 108 лист включительно, которые вам при корректуре надобны. Впрочем со всегдашним моим к вам почтению есмь

*Государь мой
Вашего высокородия покорным слугою
Григорий Козицкий*

1773 года июля 1 дня

О каталоге и письме вам Афанасьем Ивановичем¹⁹ врученном не позабудьте, я же рекомендую себе с любовью и дружбу вашу. Листы собственноручные при сем посылаемые только для сношения при корректуре в сумнительных случаях вам будут потребны, ибо отосланные в типографию мною самим с них списаны, а иные сколько можно прилежно были считываны.

Л. 4.

Первый абзац трактата Вейтли «Замечания о современном садоводстве» по-французски (с перевода Ф. Поль де Латапи), переписанный рукой Екатерины II.

Л. 5.

Заголовок:

Сокращенные правила для устройства садов по английскому вкусу

Далее в два столбца первый абзац трактата Вейтли по-французски (то же, что на л. 4) и параллельный русский перевод. Оба текста написаны рукой Екатерины II.

Л. 6—243 об.

Список с французского перевода трактата Вейтли, выполненный рукой Екатерины II, с широкими полями, вероятно оставленными для русского перевода.

Л. 244—250.

Список с французского перевода трактата Вейтли, тот же текст, что и на л. 218—225, написан другой рукой.

Л. 251.

Заголовок:

Списываемый перевод

¹⁸ Адресат установлен А. Шенле. См.: Schönle A. The Ruler in the Garden. P. 57.

¹⁹ Личность установить не удалось.

Л. 251 об.—260 об.

Перевод на русский язык фрагмента трактата Вейтли (соответствует французскому тексту с л. 220—225 об.).

Л. 261—264.

Перевод на русский язык фрагмента трактата Вейтли, тот же текст, что и на л. 253—260 об., написан другой рукой, более четким почерком.

Л. 265.

Абзац из трактата Вейтли по-французски, написанный рукой Екатерины II.

Приписка той же рукой:

Письменного оригинала послан последний §1076 русский да 1179 французский в типографии по числу типографскому параграфов. Это параграф все один как видно и выше сего на его гранке, где выписаны последние §§ присланные в типографию.

Л. 266—275.

Перевод на русский язык трактата У. Чэмберса «Об искусстве расположения садов у китайцев», подписанный «И. Нуман».

Л. 276.

Письмо Козицкому от Е. А. Щербинина;²⁰ послано из Харькова 29 января 1774 г.

*Милостивый гдрь мой
Григорий Васильевич!*

За присылку ко мне о английских садах листов приношу вам милостивому г-дарю моему покорнейшую благодарность, почитая то особливым себе счастьем, что имею случай оным пользоваться с высочайшей Ея Величества воли. Затем прошу покорнейше о продолжении вашей ко мне дружбе, кои любви удостоверяя, при том что я всегда при истинном моем почтении пребыть честь имею ваш

*Милостивого г-даря Моего
покорный слуга
Евдоким <Щербинин>*

*Генваря 29 дня
1774 года
Харьков*

Л. 277—291 об.

Второй вариант русского перевода трактата Чэмберса, изданный в 1771 г., не подписан.

²⁰ Личность также установлена А. Шенле. См.: Schönle A. The Ruler in the Garden. P. 57.

2. Перевод на русский язык фрагмента трактата Вейтли
с французского перевода-посредника Латапи
(л. 251 об.—260 об.²¹)

Все сии нарядныи предметы позорища естественныи представляются лишенными своих случайностей и сопряженными с другими предметами оным свойственными. Храм дружбы недалеко оттуда отстоящий явственню виден. Внутри Елисейских полей находится храм древней добродетели и великих британских мужей. Один стоит на возвышенном месте, другой же внизу лощины близ реки. Оба они украшены грудными истуканами сих славных мужей, сделавших имя свое бессмертным в гражданских или военных чинах или учеными сочинениями. Близ храма древней добродетели возвышается морской победоносный столб, посвященный памяти капитана Гренвиля, погибшего в морском сражении.

Столько же замысловато, сколько и с стихотворством согласно, что поставлено награждение храбрости в Елисейских полях и что они украшены именами оказавших услуги отечеству и человеческому роду. Великое множество грудных истуканов и возбуждаемое ими напоминовение имеет только соответственное с очертанием позорища. Никогда уединение не считалось <нрзб.> сладостных Елисейских полей, кои всегда описываемы были обиталищем радостных утех.

В сем подражании все обстоятельства сходятся с утвержденными мнениями. Быстрота сего большого ручья, текущего сквозь лощину, несколько света лучей, отбрасываемых от другого ручья, соединяющегося с первым, густо зеленая трава и грудные истуканы великих британских мужей, в воде изображающиеся, отличие дерев, ясность их зелени, замысловатое оных устройство, делающее из каждого дерева особливо отменный предмет и распределяющее их по малым неравностям землелога, все сие, будучи присовокуплено к сему множеству внутренних и внешних предметов, украшающих и оживляющих позорище, распространяет тут особливую веселость, едва воображением постигается и по-видимому на высочайшую степень достигнутую.

Прилежшее к нему другое позорище, составляющее с сим совершеннейшую противоположность, состоит в ольховой роще, которая есть глубоким уединением в тени погруженная и в кую самый яркий солнечный свет проникнуть не может. Воды подмывают свои берега, кажутся стоячими, но не мутными и весьма темного цвета: сие происходит от густой зелени маронных дерев и многих ольх по берегам стоящих и тенью своею воду помрачающих. Комли сих последних

²¹ Фрагмент соответствует главам LIX—LX книги Вейтли и включает описание парка Стоу (из части, принадлежащей самому Вейтли, а не включенной во французский перевод Латапи) и начало главы об устройстве и украшении места для прогулок (*Whately Th. L'Art de former les jardins modernes, ou l'art des jardins anglios. P. 293—304*).

составляют изрядные груды, возвышаясь накось от одного кореня и пересекаясь над водами. В окружающем лесу дол часто попадаются поврежденные вязы, несовершенные ели и пни от посохших деревьев. Простые сюмяки,²² тисы, орешник и дикое терние с некоторым количеством липняка и лавровых деревьев подсед сочиняют. Лес вообще темнозеленого цвета и листья становится гуще, будучи смешано с плющом, который не токмо около деревьев извивается, но и простирается по глубоким и крупным скатам землелога. Наполненная хрящем тропинка покрыта мохом. Построенный в одном конце грот, у коего внешность украшена ломаным кремнем и голышами сохраняет простотою своих припасов и темным цветом все очертания своего местоположения. Два малые круглые здания, поставленные пред сим гротом, излишны в своем глубоком уединении, которое многие сопряженные обстоятельства во мрак погружают и где одно строение с избытком довольно.

Непосредственно над ольховою рощею находится главное возвышение садов. Оно разделяется широким и глубоким суходолом на два холма, на одном из коих стоит большой готический храм. Пространство пред храмом представляет обширную поляну: землелог с одной стороны, с находящимися по краям его деревьями, непосредственно опускается в лошину, дом же, вдали над оными возвышающийся, наполняет промежуток. Сие пространное здание кажется из своей точки зрения знатнее, нежели в самом деле. Над деревьями и между их листьями и сучьями видно верхнее жилье, преддверие башни, перила и кровли, покрытые сланцем и беспорядочно в груды соединенные, но величественный вид имеющие, по другую сторону готического храма землелог опускается довольно отлогим скатом и гораздо продолговато донизу; который кажется со всех сторон совершенно быть орошаем.

Многие рукава реки извиваются по сей плоской поверхности во всяких направлениях. Соединение вод текущих из Елисейских полей с главною рекою внизу находящеюся, и простой деревянный мост, построенный на оной единственно для сообщения представляются в полном виде. Далее показывается сквозь несколько деревьев и немного повыше воды один из дорических корпусов соответствующих передней внешности дома.

Сей корпус таким образом присовокупленный и с таковыми случайностями служит удобным обстоятельством для очертания сей картины тихостию и веселостью. Гульбище, которое знатнее, препровождает от готического здания к греческой ложине. От всех входов сада отменяется она своею величиною и весьма за зверинец простирается, где делается гораздо обширною. В садах извивается она от входа и все становится уже и глубже, а наконец теряется

²² По лат. *Rus obseniorum*. Сюмак же слово арапское и значит род дерева подобное мелкой рябине, имеющее красные вязкие ягоды (прим. перев.).

в роще позади прекрасных вязов, перехватывающих ее пределы. Изрядные леса и лесочки покрывают вдоль покаты у лощины; отверсты же места так как бы изредка преграждены отдельными деревьями, распространенными сначала в недалеком расстоянии от зверинца в весьма малом количестве и с великою осторожностью, дабы широта зверинца от того уменьшенной не казалась; но чем лощина глубже становится, тем смелее они вперед простираются по бокам вниз опускаясь, и наполнив дол составляют по местам разных фигур груды умножающих отличности пространнейших насаждений, составленных из непрерывного леса, а иногда и из открытых рощ. Часто деревья одной рощи, поднимаясь на высоких своих комлях, досягают лиственным другую рощу и оставляют между собою малые отверстия, сквозь кои зверинец и сады видны. Среди позорища на одном из углов лощины, с коего все стороны открываются, и куда по наклоненной естественно весьма широкой и гладкой плоскости всходят, воздвигнут храм согласия и победы. Из одной точки зрения с удивлением видим величественную переднюю внешность, составленную из шести конических столпов, подпирающих лицевую верхушку, украшенную половинною возвышенною работою и уставленную истуканами: все прочие точки представляют в удаляющемся и *<нрзб.>* виде прекрасный перистиль, у коего на каждой стороне по десяти великолепных столпов. Сей предмет впечатлевает очертания величественности во всем его окружающем и исполняет душу некоторым родом удивления и почтения, распространяющемся по совокупному, не имея при том ничего мрачного и унылого, но напротив того в производимых им чувствованиях рождает больше приятности, нежели печали. Вод тут нет, кои бы позорище украшали, ниже дальностей, которые бы его обогащали. Все его части обширны: можно сказать, что предприятие сие высокое и исполнение благоустроенное. Оно от всех посторонних убранств независимо и сохраняется собственно своею великостью.

Описанные теперь позорища суть самые прекрасные и лучше всех очертаны; но сады заключают множество других, коих многочисленные и различно сложенные предметы производят самые отличнейшие действия и иногда на малых очень расстояниях. Сии действия рождаются всегда от неравности землелога и от разнообразных насаждений и строений. Часто охуждали большое количество сих последних так, как один из пороков Штов и должно признаться, что они покажутся гораздо многочисленными новому человеку, который увидит в два или три часа от двадцати до тридцати первостатейных зданий, смещенных с другими не столь знаменательными. Но леса, становясь все лучше, уничтожают нечувствительно сей порок, скрывая здания и препятствуя, чтоб толикое число вдруг не открылось. Каждое служит к украшению свойственного ему позорища; и когда их порознь рассматривать в разные времена

и при досуге, то трудно определить, какое бы из них было излишно. Я также соглашаюсь, что столь умноженные строения разрушают идею о безмолвии и о уединении. Штов имеет очертанием только великолепие и надменность. Он таков как сии славные места древности, посвященные вере и наполненные таинственными рощами и освященными источниками. Великолепие и великость Штова не всюду смешаны с приятностию, красотою, преизяществом.

Среди всех сих убранств, кои можно употребить в саду сего рода, обыкновенное поле или поскотина служат иногда приятным отдохновением; да и самые дикие позорища в некоторых положениях могут быть тут кстати. Признаюсь, что по строгости рассуждая, они не принадлежат к частям сада, но могут включены быть в его окружность, и ежели поставлены в соседстве с прибранными позорищами, то послужат к умягчению в прехождениях от одного к другому, причем перемены всегда состоят в нашей власти. Сему преизящному обрабатыванию, нужному для случайностей дома, недоставало бы некоторого совершенства, ежели б тут не было видно следов других очертаний, хотя б то и по весьма малому размеру. Все роды имеют столько между собой общих вещей, что часто можно их смешивать с успехом, всегда же поставлять на краях удобно.

О дороге О украшениях дороги

1294 Дорога, называемая по-аглински ридинг, толь много разнствующая от сада обширностию, приближается однако ж к его очертанию во многих обстоятельствах.

1295 Ибо не взирая на их соответствие что до обрабатывания и приятностей касается, подобие становится еще чувствительнее сим свойственным действием ридингу, чтоб распространять идею о доме и сопрягать всю страну главным строением.

1296 Итак должно, чтоб признаки, служащие к его очертанию и к различию от обыкновенной дороги, были наипаче заимствованы от сада.

1297 Могущие преподаваемы быть усадьбою или зверинцем слабы и в малом количестве.

1298 Единые свойственные садам предметы включаются естественно в обширность усадьбы.

1299 Деревья некоторого рода часто бывают довольно достаточны для сего действия.

1300 Ели и березы насажденные по краям дорог или представленные в виде осколков или лесов возвещают часто соседство замка или знатного сельского дома.

1301 Сами липы и индейские маронные деревья на мысль сие приводят потому что они чрезмерно умножены в местах, укра-

шению подлежащих, в обыкновенных же нивах мало их видно бывает.

1302 Когда ридинг сквозь лес проходит, то весьма пристойно насадить в подсед великое множество сих кустарников, кои с нив в сады переносятся для их пригожества или для благовония; так как благоуханные дикие розы, лесной виноград, евоним, козий лист и другие еще многии, коих можно развести в самых диких лесах, и которые никакого присмотра не требуют.

1303 Когда род дерев ничего чрезвычайного не имеет, то весьма явное намерение в их расположении возвещает дорогу украшенную быть имеющую.

1304 Несколько дерев насажденных, вдоль ограды, придают ей некоторый род преизящества, который возвышается над обыкновенными предметами нивы.

1305 Осколки среди поля также отменным суть украшением и достойны зверинца.

1306 Со всех сторон тыном окруженная дорога может украшена быть насаждениями во всех малых пустых пространствах.

1307 И ежели груды дерев хорошо выбраны и оставлены только лучшие на землелогe (хотя б то был лес, поле или дорога, нет нужды), то произведут они всегда много действия.